

Литература

1. Поставалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. М.: Наука, 1988.
2. Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000.
3. Сало О. С. Словарь прозаических метадефиниций М. И. Цветаевой. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007.
4. Словарь русского языка: в 4 т. М.: Издательство иностранных и национальных словарей, 1957. Т. 2.

УДК 128:82.091

Н. П. Медведев

ТЕМА ПОЭТА-ПРОРОКА У А. С. ПУШКИНА И М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В статье раскрываются философско-мировоззренческие и нравственно-эстетические аспекты поэзии А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, получившие в их творчестве выражение в одинаковой трактовке глубинной сущности и гуманистического предназначения поэтического творчества и в разработке ими обоими темы поэта-пророка. В статье показывается, что обращение к теме пророчества позволило поэтам осветить трагизм человеческого

бытия, представленного в образе демона и демонического начала, олицетворяющего мировое зло, и одновременно поставить вопрос о возможности преодоления этого трагизма на пути прояснения правды жизни, являющегося предназначением поэта-пророка.

Ключевые слова: поэзия; поэт; поэтическое творчество; пророк; пророчество; поэт-пророк; демон; одиночество; добро и зло; трагизм человеческого бытия.

N. P. Medvedev

THE THEME OF A POET-PROPHET IN THE POETRY OF PUSHKIN AND LERMONTOV

The article deals with philosophical, ideological, ethical and aesthetic aspects of the poetry of A. S. Pushkin and M. Y. Lermontov. These aspects were expressed in their similar interpretation of deep humanistic spirit and mission of poetry, and in the development of the theme of a poet-prophet. The paper shows that addressing the theme of prophecy the poets highlighted the tragedy of human existence, which was pre-

sented in the form of a demon personifying evil world. At the same time they raised the question of the possibility of overcoming this tragedy while elucidating the truth of life, which is the mission of a poet-prophet.

Key words: a poet; poetry; a prophet; prophecy; a poet-prophet; demon; loneliness; good and evil; the tragedy of human existence.

Тема поэта-пророка занимает большое место в поэзии двух русских гениев – А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, пронизывает их творчество практически на всех его этапах, придаёт особую мировоззренческую окраску их эстетике. Различные аспекты этой темы получили освещение в

пушкиноведении и лермонтоведении, однако глубинные, метафизические по существу проблемы раскрыты далеко ещё недостаточно. На наш взгляд, наличие глубокого жизненного содержания в этой теме не вызывает сомнения. И, как всякая серьёзная проблема, она нуждается в её философ-

ско-мировоззренческом осмыслении. Первый, по существу, теоретико-философский анализ поэзии М. Ю. Лермонтова принадлежит В. Г. Белинскому [1, с. 255–330], который затрагивает эту тему, рассматривая поэзию как способ постижения жизни, её отношения к действительности, к искусству, к прекрасному, рассуждает о поэте, поэтическом вдохновении и восприятии поэзии обществом.

Не менее интересен вклад в исследование проблемы, сделанный представителями Серебряного века российской культуры В. С. Соловьёвым («Лермонтов», 1899), Д. С. Мережковским («Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» 1910), Н. Ф. Федоровым («Бессмертие как привилегия сверхчеловеков: (По поводу статьи В. С. Соловьёва о Лермонтове)», 1913) и др., каждый из которых находит в поэзии Лермонтова идеи, созвучные их учениям и концепциям, идеи, имеющие отношение к проблеме поэта-пророка.

200-летний юбилей М. Ю. Лермонтова совпал с резким обострением международной ситуации в целом, и прежде всего вокруг России и Украины. В связи с этим приходит на память наблюдение Анны Ахматовой, заметившей, что в юбилей Михаила Лермонтова через каждые 50 лет происходят крупные человеческие потрясения. Празднование нынешнего юбилей М. Ю. Лермонтова вносит вклад в укрепление духовных основ консолидации российского общества, так необходимой сегодня стране.

Обращение к теме поэта-пророка даёт возможность более полно раскрыть экзистенциальное содержание всего творчества Пушкина и Лермонтова. Действительно, тема поэта-пророка включает в себя философские вопросы об отношении поэзии и жизни, о феномене пророчества, предназначении поэта-пророка. Мы рассмотрим эти вопросы применительно к творчеству М. Ю. Лермонтова в сопоставлении с пушкинскими стихами, поскольку в их произведениях не только много общего, но также содержится то особенное, которое позволяет рассмотреть эту проблему более конкретно и глубоко.

В широком смысле сама эта проблема состоит в том, чтобы развернуть эстетику поэзии Пушкина и Лермонтова, включив в

её содержание проблематику пророчества, пророческой миссии поэта и связанного с ними образа Демона.

Посмотрим теперь, как, в каких образах выступает пророк у Пушкина и Лермонтова. А. С. Пушкин в одном из самых захватывающих, глубоких и сильных своих стихотворений – в «Пророке» (1826) – заостряет внимание на самой сущности пророчества. Поэт верит в то, что правда, которую открывает пророк, способна изменить мир к лучшему. В этом он усматривает глубокий смысл пророческого дара, того дара, который поднимает пророка над остальными людьми, какое бы место они ни занимали в социальной иерархии, как бы не были защищены законом или традицией.

Интересно отметить, что по своему глубинному содержанию и эмоциональному звучанию это произведение, пожалуй, не имеет себе равных во всём творчестве поэта. Его трудно назвать стихотворением в обычном смысле этого слова. Это произведение на самом деле есть как бы возглашаемое откровение, требующее особого душевного напряжения, когда его прочитываешь, и тем более, когда проговариваешь. Поражает его особый ритм, постоянно нарастающая сила слова. Его эмоциональный настрой имеет почти экстатический характер, свойственный пророческой речи. При этом поэт меньше всего думает о сюжете стихотворения. Его сюжет не имеет какого-то большого значения, он домысливается или «примысливается» самим читателем. Сюжетная линия стихотворения сводится к описанию поэтом явления ему Шестикрылого Серафима, который и наделяет автора пророческим даром, который даётся ему для пробуждения в людях сердечного огня, скрытого в каждом человеке и способного вспыхнуть от божественного глагола поэта-пророка. Автор сосредоточивается на самом акте обретения поэтом пророческого дара и на предназначении поэта и поэзии:

*Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,*

Данный сюжет получает развитие в глубоко лирическом автобиографическом стихотворении, в котором Лермонтов, обращаясь, как можно понять, к предмету своей любви, пишет о себе в третьем лице, предчувствуя фатальную неизбежность неотвратимо приближающегося скорого конца:

*Когда твой друг с пророческой тоскою
Тебе вверял толпу своих забот,
Не знала ты невинною душою,
Что смерть его позорная зовёт...
...И близок час... и жизнь его потонет
В забвенье, без следа, как звук пустой;
Никто слезы прощальной не уронит,
Чтоб смыть упрёк, оправданный толпой,
И лишь волна полночная простонет
Над сердцем, где хранился образ твой!*

Для более полного представления об особенностях понимания Лермонтовым и Пушкиным проблемы поэта-пророка и темы Демона и демонизма можно сопоставить то, как они сами оценивают влияние этих двух образов на их мироощущение и соответственно на дух их творчества.

Ответ на этот вопрос содержит стихотворение Пушкина «Демон» (1823 г.). Описывая изменения, происходящие в своём мироощущении, Пушкин касается того, как у него появляются сомнения в истинности всего того, чему верилось ему в ранние годы, как в его жизнь и творчество проникает идея Демона:

*...Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу холодный яд.
Неистошимой клеветой
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел –
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.*

Уже здесь Пушкин характеризует Демона как злобного гения, отвергающего все земные ценности, противопоставляющего себя всем людям с их верой в любовь,

свободу, вдохновение, то есть, по существу, подверженного неверию и тем самым, обречённого на одиночество. Демон представлен как сила, противостоящая устремлениям пророка, отвергающая всё то, что вдохновляет пророка с его верой в человека.

В свою очередь, М. Ю. Лермонтов, заканчивая поэму «Демон» (1839 г.), пишет строки, в которых получило выражение отношение автора к Добру и Злу, его упование на неизбежное торжество Добра над Злом, олицетворённым в образе Демона, победившего земную любовь, но оказавшегося бессильным перед божественной силой Добра. Но и здесь, в этой духовной победе Добра над Злом, он не смиряется с поражением, полностью растворяясь в своём одиночестве:

*И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной,
Без упованья и любви!..*

Как видим, у Лермонтова оценка Демона диалектична, строится с учётом реальной сложности отношений Добра и Зла, в чём он усматривает непреодолимую трагичность жизни поэта, как, впрочем, и человеческой жизни вообще.

Лермонтов, как и Пушкин, уделяет большое внимание теме поэта-пророка. Однако – при всём сходстве их мыслей и настроений – он находит новые краски для отображения своих взглядов на проблему, соответствующих негативным изменениям, произошедшим в России 40-х годов XIX столетия.

Это их сходство и отличие отмечает В. Г. Белинский, переживший Лермонтова всего на 7 лет. Сопоставляя Лермонтова и Пушкина, Белинский, большей частью акцентирует внимание на различии их поэзии, и главным образом на том, что если поэзия Пушкина оптимистична и светла, поскольку она складывалась «на гребне движения декабристов», то у Лермонтова она полна скорби и жалоб на бездействующее поколение. «Равен ли по силе таланта или еще и выше Пушкина был Лермонтов – не в том вопрос: несомненно только, что, даже и не будучи выше Пушкина, Лермонтов призван был выразить собою и удовлетворить

своею поэзией несравненно высшее, по своим требованиям и своему характеру время, чем то, которого выражением была поэзия Пушкина» [2, с. 283]. Безусловно, это многое объясняет.

Д. С. Мережковский писал, сравнивая своё восприятие Пушкина и Лермонтова: «С годами я полюбил Пушкина, понял, что он велик, больше, чем Лермонтов. Пушкин оттеснил, умалил и как-то обидел во мне Лермонтова: так иногда взрослые нечаянно обижают детей. Но где-то в самой глубине души остался уголок, не утолненный Пушкиным. Я буду любить Пушкина, пока я жив; но когда придет смерть, боюсь, что это примирение... покажется мне холодным, жестоким, ничего не примиряющим, – и я вспомню тогда детские молитвы, вспомню Лермонтова. Не потому ли уже и теперь сквозь вечеряющий пушкинский день таинственно мерцает Лермонтов, как первая звезда. Пушкин – дневное, Лермонтов – ночное светило русской поэзии. Вся она между ними колеблется, как между двумя полюсами – созерцанием и действием [3, с. 2].

Кроме этого, как представляется, указанные различия в мировосприятии этих двух российских гениев объясняются также тем, что Пушкин разрабатывал эту тему в возрасте, превышающем соответствующий возраст Лермонтова примерно на 8–9 лет, и, следовательно, был более зрелым, мудрым. Тем более вызывает восхищение и удивление то, что Лермонтов, несмотря на сравнительно юный возраст и на то, что ему предшествовал пушкинский гений, сумел проявить такую пронзительность в своём творчестве, которая не перестаёт удивлять многие поколения русских людей, да и не только русских.

Различие между Лермонтовым и Пушкиным можно усмотреть также в том, что темы пророчества, поэта-пророка, демона и демонизма, одиночества поэта, представлены у них по-разному, в разной форме. У Пушкина все эти проблемы присутствуют как бы по-отдельности, существуют автономно, независимо друг от друга, не составляют какого-то целостного мировоззрения. У Лермонтова же все эти темы органично

связаны между собой и представляют единое, целостное мировосприятие, в котором большая роль принадлежит мистике, фаталистической вере, составляющей основание его трагического мироощущения. Это проявилось и в прозе – в «Герое нашего времени» («Фаталист» и «Тамань»), и в драме «Маскарад». Кстати, сюжетно фатализм и мистика имеют место и в творчестве Пушкина («Пиковая дама», «Выстрел»). Однако Пушкин использует такие сюжеты в целях занимательности, не делает из роковых ситуаций никаких общемировоззренческих выводов, способных как-то повлиять на дух его поэзии в целом.

В. Соловьёв подмечает такую особенность поэзии Лермонтова, как сосредоточенность на себе, своих переживаниях, своей личности: «Необычная сосредоточенность Лермонтова в себе давала его взгляду остроту и силу, чтобы иногда разрывать сеть внешней причинности и проникать в другую, более глубокую связь существующего – это была способность пророческая; и если Лермонтов не был ни пророком в настоящем смысле этого слова, ни таким прорицателем, как его предок Фома Рифмач, то лишь потому, что он не давал этой своей способности никакого объективного применения. Он не был занят ни мировыми историческими судьбами своего отечества, ни судьбою своих ближних, а единственно только своею собственной судьбой, – и тут он, конечно, был более пророк, чем кто-либо из поэтов» [4, с. 282].

Так и можно было бы завершить наше небольшое исследование, отметив кратко ещё раз внутреннюю связь в изображении Лермонтовым пророческого дара поэта, темы Демона и демонизма, а также темы гордого одиночества поэта-пророка. Можно было бы, если бы не требование, предъявляемое к любой научной работе, – требование заключительного вывода. В этом отношении следует отметить, что всё, связанное с Лермонтовым, остаётся близким для каждого русского человека, равно как и для людей других национальностей, проживающих на территории, которую Лермонтов

считал своей Родиной, называл Отчиной и служению которой он отдал всего себя, без остатка. Поэтому каждому жителю нашей страны поэзия Лермонтова и его жизненный подвиг являются близкими и родными. Потому и мы уже в нашем XXI веке продол-

жаем черпать из его творчества всё, что он осветил своим гением и особенно всё то, что связано с возвышением в России миссии поэта-пророка, состоящей в утверждении правды, чести, совести и достоинства в жизни людей.

Литература

1. Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова // Белинский В. Г. Избранные философские сочинения Т. 1 / под общей ред. М. Т. Иовчука и З. В. Смирновой. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1948.
2. Белинский В. Г. Сочинения А. Пушкина // Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 3 т. III: Статьи и рецензии, 1843–1848 / под общ. ред. Ф. М. Головенченко. М.: ОГИЗ Гослитиздат, 1948.
3. Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М. Ю. Лермонтов: pro et contra / сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова; коммент. Г. Е. Потаповой и Н. Ю. Заварзиной. СПб.: РХГИ, 2002.
4. Соловьёв В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991.

УДК 801/820

К. Э. Штайн, Д. И. Петренко

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В АРХИВНОМ И БИБЛИОТЕЧНОМ ФОНДАХ ГОРСКОГО ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. С. М. КИРОВА (1926–1937)

В статье рассматривается судьба материалов выдающегося осетинского ученого профессора Б. А. Алборова, участвовавшего в работе репрессированного Горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С. М. Кирова. Статья способствует прояснению многих неизвестных вопросов, связанных с дея-

тельностью НИИ, внесшего большой вклад в изучение языков и культур Северного Кавказа.

Ключевые слова: Государственный архив Ставропольского края, библиотечный фонд Северо-Кавказского федерального университета, осетиноведение, кавказоведение.

K. E. Shtain, D. I. Petrenko

PROBLEMS OF LANGUAGE, HISTORY AND CULTURE OF NORTH OSSETIA IN ARCHIVAL AND LIBRARY FUNDS OF MOUNTAIN HISTORICAL AND LINGUISTIC RESEARCH INSTITUTION OF S. M. OF KIROV (1926–1937)

The authors examine the destiny of papers of an outstanding Ossetian scholar professor B.A. Alborov, who worked in the Mountain Historical and Linguistic Research Institute of S. M. Kirov. The Institute was a victim of political repression. The article promotes clearing of many unknown questions

connected with work of the Research Institute, which made a big contribution to studying of languages and cultures of the North Caucasus.

Key words: State archive of Stavropol region, library funds of North Caucasus Federal University, Ossetia studies, Caucasus studies.

В 1994 году в процессе текстологической работы в Государственном архиве Ставропольского края мы обнаружили архивный фонд Северо-Кавказского горского историко-лингвистического института (годы

работы 1926–1937). Архивный фонд содержит 331 единицу хранения, среди которых уникальные документы и рукописи, связанные с исследованием языков, культуры, образования, истории народов Кавказа. Раз-